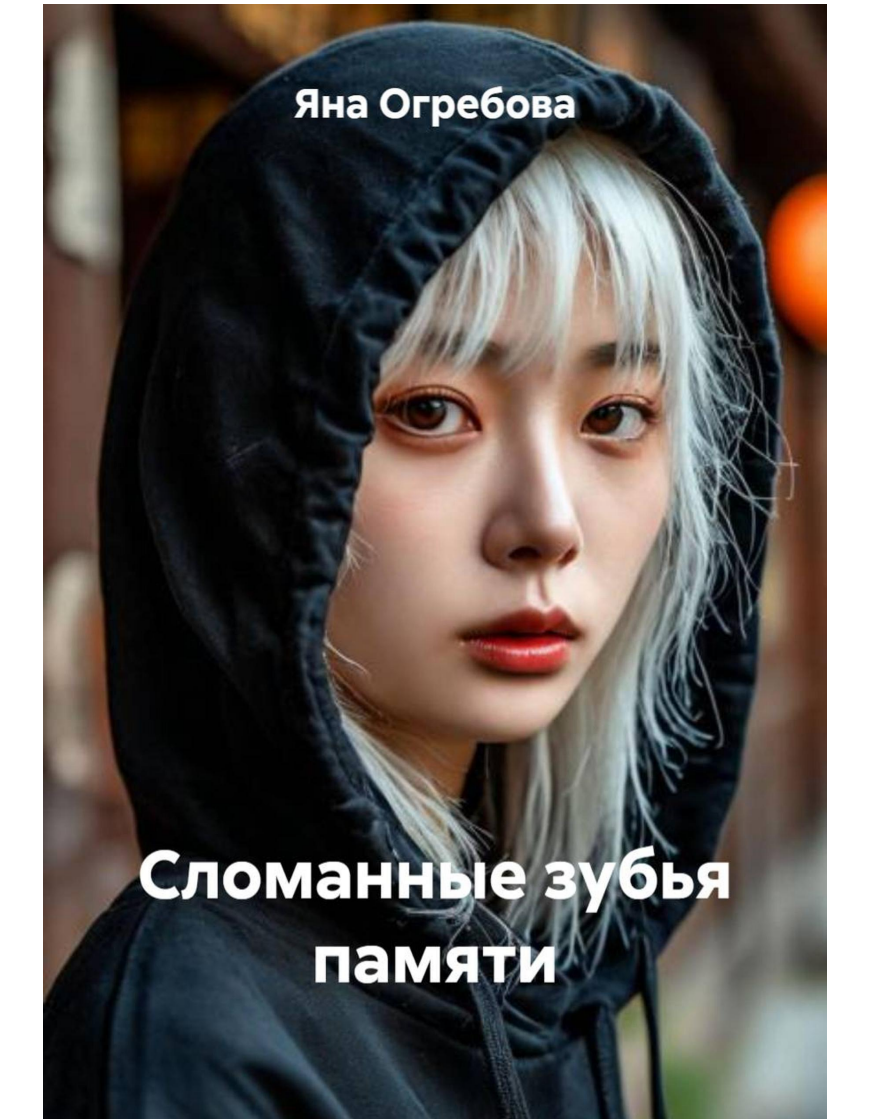

A close-up portrait of a young woman with short, straight, light-colored hair and bangs. She is wearing a dark, possibly black, hooded garment. Her expression is neutral as she looks directly at the camera. The background is out of focus, showing some warm, brownish tones and a hint of an orange object on the right side.

Яна Огребова

**Сломанные зубья
памяти**

Яна Огребова

Сломанные зубья памяти

<https://litres.ru/74037239>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обесцвеченные, почти белые волосы, острый подбородок, тени под глазами и вечно накинутый капюшон тёмного худи. Хэвон выглядит ровно так, как чувствует себя: выцветшей и сломанной. Она не отвечает на звонки матери, терпит смены в круглосуточном магазине и никого не подпускает к своей тишине. Ей кажется, что жизнь уже всё решила за неё.

Но однажды в каменной чаше у храма она видит своё отражение с чёрными глазами без белков — и мир даёт трещину. Старый гребень с тремя сломанными зубьями сам находит её в лавке, которой не существует. Сквозь тепло древесины приходит видение: женщина в белом шёлке, две луны над серебристой травой и воин, уходящий на вечную битву с демонами.

Хэвон не знает, что её собственная жизнь — вторая половина чужого проклятия. Что гребень ждал её дольше, чем она живёт на свете. И что расплачиваться за древнюю любовь придётся ей — той, кто завершит начатое.

Дождь идёт вверх. Прошлое не спит. А сломанные зубья помнят каждое обещание.

Содержание

Глава 1. Грань дождевой воды	4
Глава 2. Лавка между	9
Глава 3. Сломанные зубья памяти	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Яна Огребова

Сломанные зубья памяти

Глава 1. Грань дождевой воды

Туман цвета разбавленного молока висел над утренним Сеулом, заставляя даже самые яркие неоновые вывески круглосуточных магазинов выглядеть призрачно и отстранённо. Хэвон ненавидела утреннюю смену, но именно утренняя смена позволяла ей не пересекаться лишний раз с болтливой сменщицей Минджи, которая обожала обсуждать ай-долов так, будто они её личные друзья. Хэвон не нужны были друзья, даже личные, даже воображаемые.

Магазин «24/7 Heaven» на углу узкого переулка жил своей тихой механической жизнью. Гудел холодильник с кимпачами и треугольными кимпач-рисовиками, пахло ramen и старым пластиком. Хэвон скользнула за прилавок, поправила форменную красную бейсболку, спрятав под неё выбившиеся пряди обесцвеченных, почти белых волос. Отражение в тёмном экране выключенного монитора показало ей усталое лицо с острым подбородком и тенями под глазами — она выглядела именно так, как чувствовала себя: выцветшей и немного поломанной.

До университета оставалось два часа, которые она наме-

ревалась провести в блаженном оцепенении, переставляя товар с истекающим сроком годности на полку «Скидка 50%».

Покупателей в такое время почти не было. Только старик, каждое утро бравший одну и ту же пачку сигарет и бутылку рисового пунша, нарушил монотонность. Он кивнул ей молча, она молча пробила товар. Их ритуал был идеален именно отсутствием слов.

Хэвон ценила тишину. Тишина не задавала вопросов, не требовала улыбаться и не лезла в душу. Она переставляла банановое молоко, когда в кармане завибрировал телефон. Мать. Снова. Хэвон сбросила звонок, даже не глядя на экран. Она знала, что там: «Когда ты заберёшь свои вещи?», «Ты должна понять отчима», «Мы семья». Семья, которая молча смотрела, как четырнадцатилетнюю Хэвон запирают в чулане за «дерзость», не была семьёй. Это была договорённость о совместном выживании, которую она расторгла в день своего совершеннолетия.

Она сунула в рот кислую конфету, чтобы перебить привкус тех воспоминаний. Кислота обожгла язык, возвращая в настоящее.

После смены, переодевшись в свой обычный мешковатый тёмный худи, Хэвон вышла на улицу. Город уже окончательно проснулся, наполнился шумом машин, криками доставщиков на скутерах и вездесущей музыкой из открытых дверей кафе. Хэвон плыла в этом потоке незамеченной тенью — именно так, как ей нравилось. Она зашла в библиотеку,

но не смогла заставить себя читать «Историю корейской поэзии», тупо глядя в одну точку.

Вечером, когда фиолетовые сумерки снова опустились на город, принесся с собой мелкий, противный дождь, Хэвон возвращалась домой. Она снимала крошечную комнату в полуподвальном этаже старого здания, которую хозяйка гордо называла студией. Дождь барабанил по асфальту, стекал по узким переулкам, собираясь в мутные потоки у бордюров.

Хэвон почти бежала, накинув капюшон, когда поравнялась с буддийским храмом, спрятавшимся среди жилых башен. Обычно она проходила мимо, не замечая его, но сегодня резко остановилась. У входа стояла большая каменная чаша, наполненная дождевой водой. Поверхность её, вопреки падающим каплям, была идеально гладкой, как зеркало.

Хэвон замерла. Что-то было не так. Она сделала шаг ближе, вглядываясь в тёмную, маслянистую воду.

В чаше отражался храм, отражался кусок серого неба и отражалась она сама. Но как-то странно.

Хэвон наклонилась ниже, почти касаясь носом водной глади. Её дыхание должно было пойти рябью, но вода оставалась недвижимой. Девушка в отражении была одета не в тёмный худи, а в яркое, многослойное ханбок из бледно-розового и нефритово-зелёного шёлка, расшитое золотыми нитями. Волосы её, в реальности, собранные в небрежный пучок, в отражении были уложены в высокую, сложную причёску с длинной серебряной шпилькой, на конце которой дрожал

крошечный цветок лотоса. Лицо было тем же — её лицо, но без тени вечной усталости, с выражением спокойной власти и какой-то потусторонней печали. Губы той, другой Хэвон, были тронуты алой помадой и едва заметно шевелились, будто она что-то беззвучно шептала.

Но самым жутким было не это. Глаза. В отражении они были полностью чёрными, без белков, и смотрели прямо на Хэвон. Взгляд был тяжёлым, пронизывающим, он словно вытягивал из неё душу. Хэвон почувствовала, как холод расползается от груди к кончикам пальцев, как застывает кровь в жилах. Ей показалось, что она слышит этот шёпот — не ушами, а где-то внутри черепа:

— Ты спишь. Слишком долго спишь.

Хэвон отдёрнулась, как от удара током, и с громким, судорожным вдохом выпрямилась. Сердце колотилось где-то в горле, в глазах потемнело. Она инстинктивно зажмурилась на секунду, пытаясь унять дрожь в руках. А когда открыла глаза, всё было как обычно. Дождь барабанил по каменной чаше, разбивая поверхность воды на тысячу осколков, в которых отражался только хмурый вечерний свет и её собственный, перепуганный силуэт в мокрой толстовке. Никакого ханбока, никакой шпильки. Только старый камень и дождевая вода.

Хэвон выдохнула, и её дыхание наконец-то пошло облачком пара в сыром воздухе. Она огляделась. Улица была пустыня. Звуки города вернулись, давя на барабанные пере-

понки.

— Показалось, — прошептала она сама себе, но голос прозвучал хрипло и неуверенно.

Она заставила себя развернуться и пойти домой, но спиной всё ещё чувствовала этот чёрный, бездонный взгляд из отражения. Теперь мир казался ей хрупким и каким-то ненастоящим, словно декорация, за которой кто-то внимательно следил.

Глава 2. Лавка между

Серое утро встретило Хэвон мелкой моросью, барабанившей по козырьку бейсболки. Она снова стояла за прилавком «24/7 Heaven», переставляя бутылки с холодным чаем, и старалась не думать о вчерашнем вечере. О каменной чаше. О чёрных глазах в отражении.

«Показалось», — убеждала она себя, но пальцы помнили, как похолодели тогда, а в груди до сих пор сидел неприятный осадок — будто она проглотила что-то скользкое и оно до сих пор не провалилось в желудок.

После смены Хэвон бесцельно бродила по Инсадону, сама не зная зачем. Туристический район с его чайными, галереями и лавками традиционных ремёсел никогда её не привлекал — слишком шумно, слишком пёстро. Но ноги сами несли её мимо витрин с черепаховыми гребнями и бумажными веерами.

Дождь усилился, и Хэвон свернула в узкий проулок, срезая путь к автобусной остановке. Здесь пахло мокрой штукатуркой и жареным тофу. Она прошла мимо старой ханок с покосившейся табличкой, мимо облезлой стены, расписанной граффити и остановилась.

Между чайной «У старого колодца» и ремонтной мастерской появилось что-то новое. Хэвон была готова поклясться: ещё вчера здесь был просто глухой забор. А теперь — уз-

кая деревянная дверь, выкрашенная в цвет индиго, с медной ручкой в форме лисьего хвоста. Над дверью висела табличка, написанная от руки, иероглифами, которые Хэвон с трудом, но разобрала: «Звуки, что мы потеряли».

Она нахмурилась. Лавка? Здесь? В этой дыре?

Любопытство пересилило. Хэвон толкнула дверь.

Внутри пахло старой бумагой, сандаловым деревом и чем-то ещё — сладковатым, как подгнившие персики. Помещение было крошечным: три шага в длину, два в ширину. Вдоль стен тянулись полки, уставленные странными предметами. Хэвон разглядела стеклянные банки с чем-то, похожим на светящийся туман, деревянные шкатулки с непонятными символами, старые кисти для каллиграфии, веера, колокольчики

За прилавком никого не было.

Хэвон сделала шаг вперёд, разглядывая содержимое ближайшей полки. Её внимание привлёк небольшой предмет — прозрачный шар размером с грецкий орех, внутри которого, кажется, шёл снег. Только снежинки падали вверх. Она протянула руку, но отёрнула — слишком уж напоминало вчерашний дождь, который, как ей показалось на миг, тоже шёл не в ту сторону.

Она двинулась дальше, ведя пальцем по краю пыльной полки. И вдруг остановилась. Сердце пропустило удар.

На бархатной подушечке, в самом тёмном углу, лежал гребець.

Не новый, не блестящий. Старый, деревянный, с несколькими сломанными зубьями. Но Хэвон не могла отвести от него взгляд. Ей показалось — лишь на долю секунды — что гребень шевельнулся. Не физически. Скорее, он вздохнул. Как уставший путник, который наконец дождался попутчика.

Она не поняла, как её пальцы сомкнулись на деревянной дужке. Гребень оказался тёплым. Живым.

— Он тебя выбрал.

Голос раздался прямо над ухом, и Хэвон вздрогнула так, что едва не выронила гребень. Она резко обернулась.

За прилавком теперь стояла женщина — или не совсем женщина. Слишком бледная кожа, слишком длинные чёрные волосы, спускающиеся до самого пола, слишком старая одежда — многослойный ханбок цвета выцветшего индиго. Возраст её был неопределим: лицо гладкое, юное, но глаза — древние, как придорожные камни. Она не улыбалась.

Хэвон открыла рот, но не смогла выдавить ни звука.

Женщина смотрела на неё спокойно, без враждебности. В руках она держала курильницу, из которой вился тонкий дымок, пахнувший хризантемами.

— Простите? — наконец выдавила Хэвон. — Я просто

Женщина приложила палец к губам. Не шикнула, нет. Просто показала: здесь не принято говорить. Тишина — главный товар.

Хэвон замерла с гребнем в руке. Ей захотелось положить

его обратно, извиниться и выбежать на улицу, подальше от этой странной лавки и её странной хозяйки. Но пальцы отказывались разжиматься. Гребень лежал в ладони, тёплый, почти горячий, и Хэвон вдруг ощутила внутри странную, ничем не объяснимую правильность происходящего. Будто она нашла то, что искала всю жизнь, сама того не зная.

Женщина за прилавком наблюдала за ней, чуть склонив голову набок. Дым из курильницы рисовал в воздухе причудливые узоры — не то крылья птицы, не то распускающийся цветок. Хэвон перевела взгляд на гребень. Ей показалось, что сквозь дерево проступают бледно-розовые лепестки лотоса — точно такие же, как на шпильке у той, из отражения. Моргнула. Лепестки исчезли. Остались только трещинки на старом дереве и три сломанных зубья.

Тишина в лавке сделалась плотной, осязаемой. Она давила на уши, как вода на глубине.

Хэвон посмотрела на женщину и задала самый глупый вопрос из возможных: — Сколько?

Женщина покачала головой. Медленно. Плавно.

— Не продаётся, — произнесла она, и голос её прозвучал как шелест рисовой бумаги. — Только дарится.

Пауза. Дым дрогнул.

— Он тебя выбрал.

Хэвон почувствовала, как по спине пробежал холодок. Выбрал. Гребень. Выбрал её. Абсурд. Полный абсурд. Но почему-то спорить не хотелось. Хотелось только одного — не

отдавать. Ни за что не отдавать эту тёплую деревяшку с обломанными зубьями.

Женщина снова коснулась пальцем губ — жест, означающий молчание, — и отступила в тень за прилавком. Дым сгустился, на мгновение скрыв её фигуру, а когда рассеялся — за прилавком уже никого не было. Только пустая курильница на столе, из которой поднималась последняя струйка дыма.

Хэвон стояла посреди пустой лавки, сжимая в кулаке гребень, и сердце колотилось где-то в горле. Она попятилась к выходу, ожидая, что дверь окажется заперта, что её не выпустят. Но дверь распахнулась легко, и в лицо ударил влажный уличный воздух.

Хэвон выскочила наружу, захлопнула за собой дверь цвета индиго и замерла, тяжело дыша. Дождь кончился. В проулке пахло мокрым асфальтом и, кажется, хризантемами. Она разжала пальцы. Гребень лежал на ладони, обычный, деревянный, старый.

Но тёплый.

Она оглянулась. Дверь исчезла. Вместо неё — глухая кирпичная стена, увитая плющом. Ни вывески, ни медной ручки в форме лисьего хвоста. Ничего.

Хэвон засунула гребень в карман худи, чувствуя, как он пульсирует у бедра — не сердцем, но чем-то похожим. Ей было страшно. Очень страшно. Но ещё страшнее было то, что мысль выбросить гребень не пришла ей в голову ни на секунду. Он был её. Или она — его. Она ещё не понимала,

что это значит, но где-то глубоко внутри уже знала: вчерашнее отражение в чаше и сегодняшняя находка — звенья одной цепи. И цепь эта только начала разматываться.

Она пошла домой, не оборачиваясь. Гребень молчал. Но Хэвон казалось, что она слышит его голос — тихий, далёкий, похожий на шум дождя, идущего вверх.

Глава 3. Сломанные зубья памяти

Помни: то, что ты видишь, — не всегда то, чем кажется.

Ночь опустилась на Сеул, и вместе с ней пришла тишина — не та, что бывает в парках или библиотеках, а та, что селится в полуподвальных комнатах, где живут люди без прошлого. Хэвон сидела на полу своей крошечной студии, скрестив ноги, и смотрела на гребень.

Рассказчик: Она ещё не знала, что некоторые вещи умеют ждать. Что этот гребень ждал её дольше, чем она жила на свете. Что в нём спала память, и сегодня ночью память проснётся.

Гребень лежал на подушке — старый, деревянный, с тремя сломанными зубьями. В тусклом свете торшера он казался обычным, но Хэвон знала: стоит взять его в руку, и дерево потеплеет. Как кожа. Как дыхание.

Она взяла.

Тепло разлилось по ладони мгновенно, поднялось к запястью, к локтю, к плечу. Хэвон вздрогнула, но не выпустила. Страх ушёл, сменившись странным, тягучим любопытством. Она поднесла гребень к глазам, вглядываясь в древесные волокна, в крошечные трещинки на дужке, в сломанные зубья. В голове крутился только один вопрос: «Кому ты принадлежал?»

И гребень ответил.

Рассказчик: Не словами. Слова — слишком грубый инструмент для того, что случилось дальше. Гребень говорил образами, запахами, звуками. Он говорил памятью.

Комната исчезла.

Хэвон стояла на вершине холма, усыпанного высокой, по пояс, серебристой травой. Ветер пел в стеблях, и песня его была печальной, протяжной, как звук каягыма. Небо над холмом было незнакомым — не сеульским, не человеческим. Два месяца висели в вышине, один золотой, другой красный, и свет их смешивался в травяном море, рождая причудливые тени.

Рассказчик: Смотри, сказал ей ветер. Смотри и молчи.

У подножия холма, там, где трава уступала место каменной тропе, стояла женщина. Хэвон видела её спину — узкую, хрупкую, обтянутую белым шёлком ханбока. Длинные чёрные волосы струились до самой земли, и ветер играл с ними, подбрасывал, путал, а женщина не двигалась. Она смотрела вдаль, туда, где за холмами угадывались очертания дворца — призрачного, словно сотканного из лунного света.

Гребень был у неё. Хэвон сразу поняла: это тот самый гребень, только целый, все зубья на месте, и дерево не потемнело от времени. Женщина сжимала его в пальцах, и пальцы эти дрожали. Не от холода. От напряжения. От боли.

Рассказчик: Её звали Чонхи. Она была кисэн, но не простой — лучшей в землях Ёнхвана, где люди и духи жили бок о бок, не всегда зная, кто из них кто. Чонхи танцевала так,

что даже боги задерживали дыхание. Пела так, что реки останавливались послушать. Любила так, что готова была умереть. И умирала. Медленно. Каждую ночь без него.

Хэвон почувствовала ком в горле. Не свой — чужой. Это Чонхи сдерживала слёзы, и её сдержанность передалась Хэвон через века.

Позади кисэн возникла фигура. Мужчина в тёмных одеждах, высокий, с лицом, которое Хэвон не могла разглядеть — черты его расплывались, как отражение в потревоженной воде. Но она знала, кто он. Воин. Тот, кто заключил сделку с демоном ради победы в последней битве. Тот, кто выжил, но перестал быть человеком. Тот, кого Чонхи любила.

Он остановился в трёх шагах за её спиной. Не приближался. Не звал. Просто стоял и смотрел на её затылок, на её волосы, на гребень, который сам подарил ей в ночь их первой встречи.

Чонхи не обернулась. Плечи её напряглись, пальцы сжали гребень крепче.

Тогда воин заговорил. Хэвон не слышала слов, но смысл их проступил сквозь время: он уходит. Он не может взять её с собой туда, где демоны варят его душу в котле вечной битвы. Он прощается.

Навсегда.

Чонхи слушала. Ветер стих, и трава замерла, и два месяца в небе, казалось, придвинулись ближе, чтобы не пропустить ни звука. А когда воин замолчал, кисэн медленно, очень мед-

ленно, развернулась.

Хэвон наконец увидела её лицо. Бледное, с тонкими, почти прозрачными чертами. Губы сжаты в нитку. Глаза сухие. Слишком сухие для той бури, что клокотала внутри.

Чонхи ничего не сказала. Просто протянула ему гребень — обратно. Дар, который должен был связать их навеки, теперь стал обвинением. Молчаливым. Страшным.

Воин не взял. Он покачал головой, и тень его легла на траву уродливым пятном. Затем повернулся и пошёл прочь. С каждым шагом фигура его истончалась, бледнела, пока не растаяла вовсе, оставив после себя только запах гари и тишину.

Чонхи осталась одна.

Рассказчик: Теперь смотри внимательно. Это самое важное.

Кисэн стояла неподвижно долго — может, час, может, вечность. Потом поднесла гребень к волосам и одним движением вонзила зубья в чёрный шёлк. Провела раз. Другой. Третий. На четвёртый раз зубья хрустнули — раз, два, три — и обломились. Чонхи замерла, глядя на сломанный гребень в своей руке, и вдруг улыбнулась. Улыбка эта была страшнее любых слёз. Улыбка эта обещала.

Она развернулась к далёкому дворцу, расправила плечи и пошла вверх по каменистой тропе. Белый шёлк волочился по земле, цеплялся за камни, рвался. Чонхи не замечала. Она сжимала в кулаке сломанный гребень и что-то шептала — не

молитву, не проклятие. Обещание. Себе. Ему. Всем богам и демонам сразу.

— Я отдам его той, кто завершит начатое.

Ветер подхватил слова и унёс в серебристую траву. Два месяца в небе дрогнули. Где-то далеко прогремел гром.

Хэвон моргнула.

Она снова сидела в своей комнате. Торшер горел всё тем же тусклым светом. Гребень лежал на ладони, тёплый, почти горячий. Но теперь Хэвон знала. Знала имя той, что владела им прежде. Знала цену, которую Чонхи заплатила за любовь. Знала обещание, которое всё ещё висело в воздухе, неисполненное, ждущее.

Рассказчик: Гребень молчал. Он рассказал всё, что мог. Теперь слово было за Хэвон.

Она осторожно, почти благоговейно положила гребень обратно на подушку. Руки дрожали. В висках стучало. Где-то на границе сознания ещё звучала мелодия каягыма, и пахло гарью, и ветер серебристой травы касался щёк.

Хэвон подтянула колени к груди и обхватила их руками. Ей вдруг стало холодно — так холодно, будто она стояла на том самом холме, под двумя чужими лунами, и ветер задувал прямо в душу. Она смотрела на гребень и не знала, что чувствует. Жалость к Чонхи? Страх перед тем, что всё это значило для неё самой? Или что-то третье — тёмное, древнее, чему она пока не могла подобрать названия?

За окном зашумели шины по мокрому асфальту. В тру-

бах заурчала вода — сосед сверху включил душ. Мир возвращался, неловко, по кусочкам, как гость, который опоздал и пытается просочиться в зал незамеченным.

Хэвон наконец выдохнула. Подняла руку к волосам, провела по ним — жест, который она не делала раньше. Жест, который делала Чонхи.

И замерла.

Рука застыла в воздухе. Пальцы дрогнули и опустились. Хэвон сидела неподвижно, глядя в одну точку перед собой, и что-то внутри неё — не мысль, не чувство, а скорее тень мысли — медленно, неотвратно оформлялось в слова.

«Что значит — завершить начатое?»

Рассказчик: Ночь не ответила. Гребень не ответил. Только дождь за окном пошёл сильнее, застучал по карнизу, и в его шуме Хэвон на мгновение слышала далёкий, едва различимый голос — не мужской, не женский, просто голос: «Узнаешь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.